

Единственным “увеселением” того времени был кабак. Лишь изредка в поселение приезжали бродячие циркачи и фокусники.

Своеобразен фольклор Березовского завода. Можно выделить своеобразные слова, которые встречались в лексиконе жителей Березовского завода:

- бука — чучело,
- касап — городской житель,
- рукотельник — полотенце,
- сартир — кабак,
- сарты — конец улицы,
- седулка — табурет,
- сеп — деревенский житель, соло — огонь в печи,
- шобан(ы) — ватная фуфайка⁸.

Так, жители Пышминского завода прозвали березовчан кишочниками — “в шахте голосом воют и водой кишки моют”. В ответ пышминцев прозвали кулажниками (кулага — каша из ржаной муки и солода) — “пьяницы кулагу варят, хлеба не едят, в канаве лежат ды на небо глядят”.

¹ Личный архив С.С.Опенкиной // Березовский музей золотопромышленности

² *Летягин П.А., Земских В.Е.* Березовский рудник: становление и развитие // Горный журнал. 1995. № 11. С. 12.

³ Месяц в Березовском заводе // Неделя. 1833. № 28. С. 486.

⁴ *Тетеркин Г.П., Ромашкин И.Ф.* Наш город Березовский. Свердловск, 1973.

⁵ *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России. В 2 ч. СПб., 1864. Ч. 2. С. 464.

⁶ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург. 1902. С. 28.

⁷ *Мозель Х.* Указ. соч. С. 186.

⁸ Воспоминания Гоголиной (урожденной Деминой П.А.) 1928 года рождения

Л.А.ДАШКЕВИЧ
СОКМ, Екатеринбург

НАЧАЛО СТРАХОВОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ: МОДЕРНИЗМ ПРОТИВ ТРАДИЦИИ

Идея страхования от пожаров деревянных строений возникла на Урале еще до официального открытия в 1827 г. в Санкт-Петербурге акционерного страхового Российского от огня общества. 14 ноября 1821 г. один из управляющих строгановскими имениями Лев Ослоповский обратился к владелице уральских горных заводов графини Строгановой с предложением создать в Пермском имении особый капитал для “возведения новых обывательских домов и строений вместо истребляемых пожарами”. Собрать необходимый для этого капитал, по мысли автора проекта, можно было за счет индивидуальных взносов крестьян, желавших застраховать свои дома. Подсчитав примерное количество домов в имении (около 13 тыс.) и оценив каждый из них в среднем в 200 руб., Ослоповский предложил взимать в страховую сумму ежегодно по одному проценту со сто

© Л.А.Дашкевич, 200

имости дома. 26 тыс. руб., полученные в результате этого сбора, можно было либо отдать под рост процентами в казенные учреждения, либо принять в собственную кассу владелицы с платежом в страховую сумму по 6 — 7 %, что будет, как писал Ослоповский, “новою милостию и благотворением Вашего Сиятельства к подвластным Вам людям”¹.

Строганова положительно оценила мнение своего советника и уже 24 января 1822 г. отправила предписание в село Ильинское управляющему имением Якову Григорьевичу Волегову. Для создания страхового капитала графиня приказала организовать специальную страховую комиссию из Главноуправляющего имением и трех присутствующих третейского суда, а в каждом земском ведомстве, помимо этого, для предотвращения злоупотреблений — частные отделения страховой комиссии, куда мирское общество должно было избрать двух оценщиков домов². Волегов, хорошо знакомый с мировоззрением подвластного ему населения, с большой осторожностью воспринял идею индивидуального добровольного взноса крестьян в страховую капитал. В своем донесении Строгановой от 22 февраля 1822 г. он утверждал, что значительно проще было бы составить страховую пожарную сумму посредством небольшого обязательного взноса, собираемого с крестьян вместе с другими податями. Тем не менее, несмотря на затруднительность поручения, он обещал приложить все усилия к “сильному внушению крестьянам о той пользе, какую страховая пожарная сумма приносить им может”³.

24 февраля 1822 г. главная страховая комиссия в селе Ильинском была открыта, на следующий день начало действовать и Ильинское земское частное отделение⁴. Поездка Волегова по другим селениям имения оказалась, однако, далеко не столь успешной. В фонде Строгановых РГАДА сохранился дневник приказчика, посетившего в 1822 г. почти все селения имения с целью убеждения крестьян и мастеровых в пользе для них страхового дела⁵. Мирские общества решительно отвергали новое для себя учреждение. 1 марта Я.Г. Волегов явился в Добрянский завод, где его встретило большое число местных жителей. Заводские приказчики объяснили Волегову, что жители соборны здесь для избрания депутатов в частное страховое отделение, однако никто из них на это избрание не согласен и дома свои страховать не хочет. Управляющий прочел жителям Добрянки обращение заводовладелицы и положение страхового общества, объяснил выгоду и полезность для крестьян участия в этом обществе. После долгой речи управляющего заводские приказчики согласились застраховать свои дома, а “крестьяне с большим шумством от того отреклись”. Убеждать мастеровых пришлось до 12 часов ночи, но никакого эффекта эти действия управляющего не имели. На следующий день Волегов предписал призывать к нему мастеровых на беседу по одному и вновь убеждал их в пользе нового учреждения. Результатом ста-

ло согласие двадцати мастеровых застраховать свои дома — частное отделение в Добрянке было открыто.

4 марта Волегов отправился в соляные промыслы. Промысловые работники от выбора депутатов и представления своих домов к страхованию “отозвались”, и чем больше делано было им убеждений “тем вяще оказывали они упорство”. Наконец, после долгих уговоров, четверо работников, представленных ранее приказчиками в Москве графине Строгановой, согласились на страхование своих домов выбрали депутата, за что, как пишет Волегов, “потерпели они от прихотливых людей обидные упреки”. Уговоры и увещания соляных работников продолжались до 7 марта, застраховать удалось, однако, дом лишь нескольких человек. 13 марта Волегов отправился в остальные села имения в сопровождении члена Ильинского третейского суда Григория Кайгородцева, рассчитывая на его авторитет у крестьян.

В Юсвенской земской конторе, однако, приказчиков вновь встретило упорное сопротивление. Крестьяне от страхования домов решительно отказались, заявив, что “если кто из них потерпит от пожара, то они взаимное пособие сделают сами между собой, а пособий требовать ни от кого не будут”. После долгих убеждений в пользу и необходимости страхования некоторые члены общины стали склоняться к тому, чтобы застраховать свои строения, но “угрозы и запрещения других от того их останавливали, ибо большая часть людей с дерзостью кричали, что все должны быть единодушными, от общего мнения не отставать и ни на какие убеждения отнюдь не соглашаться”. На следующий день в земскую контору был вызван один лишь староста. После долгих уговоров он согласился внести свой взнос в страховую капитал, попросив защитить его, однако, если будут притеснения со стороны мирского общества. В необходимости страхования своих домов удалось убедить еще двух жителей села Юсвенского.

В Архангельском приказчиков ждала та же история — решительное сопротивление введению нового учреждения, уговорили лишь двух человек. В Егвенском, следовавшем после Архангельского, был престольный праздник, поэтому в контору староста собрал только “лучших людей. Их без труда удалось уговорить застраховать свои дома. Из разговоров в Егвенском Волегов узнал, что после получения предписания из Ильинской страховой комиссии об открытии земских страховых контор, крестьяне Инвенских селений собрались на тайном совещании и договорились не соглашаться ни на какие убеждения, не выбирать депутатов в новые страховые учреждения и не страховать свои дома.

18 марта Волегов с Кайгородовым явились в село Отевское. Здесь и ждало то же “сильное шумство и смятение”. Крестьяне местной общины не только отказывались страховать свои дома, но даже, заметив что один из них готов согласиться на уговоры приказчиков, “вызвали его из земской избы и, усиленным образом усадив в сани, увезли в деревню”. Уговорить на страхование своего дома удалось лишь старосту.

Вечером посланники администрации отправились в село Кудымкарское, куда приехали в 11 часов ночи. Местный приказчик встретил их и объявил, что местное мирское общество готово принять участие в работе страховой комиссии, депутаты, избранные им, находятся в земской избе. Несмотря на позднее время, Волегов поспешил встретиться с депутатами. Дневник сохранил весьма любопытную оценку образованным приказчиком Волеговым менталитета местных крестьян. “Я, зная, что уметь могу в деле, мне порученном, тогда, когда находится их меньше, нежели в большом собрании, при котором бывают они смелее, упрямее и дерзновеннее, и потому тот же час пошел в земскую избу”. После беседы с выбранными обществом депутатами частное отделение в Кудымкаре было открыто и официально зарегистрировано, собственные дома застраховало 10 человек. События следующего утра продемонстрировали мудрость приказчика. Мирское кудымкарское общество, собравшись в земской конторе, стало обвинять старосту в том, что он согласился застраховать свой дом без согласия общины. Многие крестьяне кричали, что никаких новых учреждений им не надобно. Пришлось вновь объяснять крестьянам, что страхование — дело добровольное и индивидуальное, для крестьян оно очень выгодно и полезно. В 1822 г., после поездок и уговоров управляющего именем, быстро и безболезненно крестьяне согласились на страхование своих строений лишь в нескольких селах имения.

Упорное сопротивление крестьян внедрению нового для них страхового дела объясняется прежде всего недоверием сельских и заводских мирских обществ к администрации, непониманием того, что страховая ответственность индивидуальна и не ляжет дополнительным бременем на общину. Многие крестьяне не желали брать на себя дополнительных финансовых затрат по страхованию риска, надеясь на традиции взаимопомощи общины и патерналистскую заботу о пострадавших помещицы.

Администрация, однако, не оставляла своей работы по разъяснению истинного смысла нового учреждения, никакого принуждения по отношению к крестьянским мирам не применялось. Я полагаю, писал Волегов, “что когда неосновательные мысли их истребятся и когда впоследствии времени познают они от благотворного учреждения страховой пожарной суммы пользу свою, то положат дома и строения свои в другую цену”⁶. Усилия строгановских приказчиков не оказались напрасными. В 1822 г. им удалось застраховать от пожаров всего 5742 дома и 587 гумен, через десять лет число застрахованных домов увеличилось до 14 465, гумен — до 5732⁷.

¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1387. Л. 3 об.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 21 об.

⁴ Там же. Л. 28.